

краеведческие музеи. Однако собственно этнографических музеев немного. Из них мне удалось посетить лишь музей при Уханьском филиале Центральной академии национальных меньшинств, для которого в 1955 г. было построено специальное здание и где в настоящее время представлены культура и быт национальных меньшинств КНР. Я посетил также выставку при Центральной академии национальных меньшинств в Пекине.

В КНР наблюдается бурный рост музейного строительства и создания местных музеев. В одном только 1958 году было организовано около 800 новых музеев. В создании их большую роль играют местные партийные, общественные и культурные организации.

В посещенных мной городах меня знакомили с их достопримечательностями и предоставляли широкую возможность посещения театров. За время пребывания в командировке я посетил 16 театральных постановок и концертов.

В заключение хочется особо отметить теплый, сердечный прием, который был мне оказан всюду, где я побывал. Это дало мне возможность за весьма короткий срок увидеть очень многое. Благодаря прекрасной работе сотрудников отдела связи Отделения философии и общественных наук Академии наук КНР моя поездка в Китай была хорошо организована, оказалась полезной и интересной. Пользуясь случаем, хочу еще раз выразить чувство большой благодарности всем китайским товарищам, которые помогли мне познакомиться с их страной и народом.

Г. А. Гловацкий

О МОЕЙ РАБОТЕ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

В своем докладе на XXI съезде КПСС товарищ Хрушев сказал: «... в мировой социалистической системе идет бурное развитие народного хозяйства и культуры во всех странах. Высокие темпы — это общая закономерность социализма, подтвержденная теперь на опыте всех стран социалистического лагеря»¹.

Весь ход истории подтверждает правильность этого положения. В своем историческом развитии страны лагеря социализма, возглавляемого Советским Союзом, крепнут и становятся могущественнее с каждым днем.

Руководствуясь принципами марксизма-ленинизма, учитывая конкретные условия Китая, на основе успешного выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства КНР (1953—1957), Коммунистическая партия ведет наш народ к новым, еще более грандиозным достижениям, предусмотренным вторым пятилетним планом. За истекшие после освобождения десять лет Китай из бедной, отсталой сельскохозяйственной страны превратился в передовую, богатую промышленно-сельскохозяйственную державу.

В 1958 г., первом году нашей второй пятилетки, во всех областях — политической, экономической и культурной — достигнуты невиданные успехи. Поэтому мы называем его первым годом Большого скачка. В этом году наша страна добилась выплавки стали около 8 млн. т (не считая стали, выплавленной в местных печах) — на 49,5% больше, чем в 1957 г., добычи угля — более чем в два раза больше, чем в 1957 г. В 1958 г. произведено более 50 тыс. станков (не считая станков простейшего устройства), т. е. втрое больше, чем в 1957 г. В области сельского хозяйства успехи также велики: урожай продовольственных культур составил более 500 млрд. цзиней (или 250 млн. т), превысив урожай 1957 г. на 35%; хлопка собрано более 42 млн. даней (т. е. 2100 тыс. т), что тоже больше чем на 28% превышает сбор 1957 г.

Велики достижения и на культурном фронте. Число учащихся в высших учебных заведениях — 660 тыс., что в полтора раза больше, чем в 1957 г.; число учащихся средних школ — 12 млн. (т. е. на 70% больше, чем в 1957 г.), а учащихся начальных школ — 86 млн. (на 40% больше, чем в 1957 г.)². Наука, искусство, литература тоже достигли значительного уровня развития.

Как и в других областях науки, в области этнографии достигнуты серьезные успехи. Нужно отметить, что Коммунистическая партия Китая с первых лет ее создания всегда обращала большое внимание на исследовательскую работу по национальному вопросу. В тяжелых условиях антияпонской войны в гор. Яньань уже были созданы учреждения, проводившие такого рода исследования. Эти учреждения, правильно применяя положения марксизма-ленинизма, сыграли большую роль в разрешении проблем, связанных с национальным вопросом. После Освобождения условия работы значительно улучшились. Правительственный Совет (ныне Государственный Совет) еще в 1950 г. утвердил «Проект создания Центральной академии национальных меньшинств» и ее филиалов в районах расселения национальных меньшинств. Задачи Академии по утвержденному проекту таковы: 1) подготовка кадровых работников высшего ранга (для учре-

¹ Н. С. Хрушев, О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР за 1959—1965 годы. Доклад на внеочередном XXI съезде Коммунистической партии Советского Союза 27 января 1959 г., Госполитиздат, М., 1959, стр. 74—75.

² «Жэньминь жибао» от 3 января, 15 апреля и 27 августа 1959 г.

дений провинций и областей) и среднего ранга (для учреждений уездов и ниже), особенно учитывая создание автономных единиц у всех народов страны и развертывание строительства в области политики, экономики и культуры; 2) исследование вопросов, касающихся определения национальных меньшинств Китая, их языка и письменности, истории и культуры, общественного строя и экономики, а также распространение и пропаганда их культурных достижений; 3) организация руководства работой по редактированию и переводу различных материалов, касающихся национальных меньшинств.

В период, когда проводилось урегулирование структуры и профиля всех вузов, большинство работников, занимающихся исследованиями в области национального вопроса, было сосредоточено в Центральной академии национальных меньшинств (ЦАНМ), что позволило концентрировать исследовательскую работу в этой области.

В 1956 г. в ЦАНМ был приглашен советский специалист, проф. Н. Н. Чебоксаров, который работал у нас более двух лет. Его пребывание имело большое значение не только для нас — молодых этнографов, но и для повышения квалификации ученых старшего поколения. Вместе с тем его работа сыграла важную роль в ознакомлении китайских этнографов с большими достижениями советской этнографической науки. Труд всех советских специалистов сейчас уже приносит свои плоды; аспиранты, работавшие вместе с ними, под их непосредственным руководством, в настоящее время во всех районах обитания национальных меньшинств нашей родины отдают свои силы и знания делу строительства социализма.

Благодаря заботе со стороны Коммунистической партии Китая и Народного правительства в июне 1958 г. в Пекине в системе Академии наук создан Институт национальностей; вместе с тем в научно-исследовательских учреждениях многих провинций и областей были постепенно созданы или расширены отделы исследований по национальному вопросу.

Хотя этнография как наука в Китае существовала и раньше и термин этот в старом Китае был известен, но этнография, основанная на принципах марксизма-ленинизма, — наука в Китае еще молодая. Поэтому мы должны напряженно трудиться, чтобы она развивалась соответственно подъему в других областях науки, культуры и экономики нашей страны. Здесь следует особенно подчеркнуть необходимость изучать передовой опыт Советского Союза. Я лично получил сейчас замечательную возможность учиться у моих советских наставников, непосредственно общаясь с ними. Это и является целью моего приезда в Советский Союз.

Я — сотрудник Академии национальных меньшинств, но принимаю участие и в работе Института национальностей Академии наук КНР. Этим институтом я и командирован в Институт этнографии Академии наук СССР. В Китае я занимался преимущественно преподавательской работой в ЦАНМ, в предыдущие годы — главным образом марксистской теорией национального вопроса. Проблемами этнографии я занимаюсь только три года, из которых два я работал как переводчик с советским специалистом.

Срок моего пребывания в СССР не долг, поэтому основной задачей, которая стоит передо мной, является общее, по возможности всестороннее, познание советской этнографической науки. Чтобы справиться с этой задачей, я должен прежде всего представить себе пути ее развития и достижения за годы советской власти. Я должен освоить методы исследования, выработанные советскими этнографами, принять участие в их экспедициях, ознакомиться с различными этнографическими научными учреждениями, музеями и с постановкой работы в них. Так как моя деятельность связана с преподаванием, я хотел бы детально ознакомиться с работой кафедры этнографии Московского университета. Кроме того, я хотел бы войти во все детали повседневной работы Института этнографии. Задачи, которые стоят передо мной, по-видимому, очень сложны, но для нашей работы они крайне необходимы.

Каким путем я думаю, по возможности, выполнить эти задачи?

Во-первых, я принимаю участие в заседаниях, собраниях, совещаниях по различным вопросам этнографии. Так, я систематически присутствую на заседаниях Ученого совета Института этнографии, на заседаниях сектора этнографии Восточной и Юго-Восточной Азии и др. Большой интерес представили для меня конференция по этнографии Прибалтики (18—21 февраля 1959 г.) и экспедиционная сессия, проведенная совместно Институтом этнографии и Институтом истории материальной культуры Академии наук СССР (6—11 апреля 1959 г.), позволившие мне глубже понять значение координации между смежными науками — этнографией, археологией, антропологией и языковедением, важность сочетания данных этих наук в исследовательской работе. Хотя я раньше, еще в Китае, представлял себе, какое это имеет значение, но, прослушав доклады и выступления на этих заседаниях, я стал глубже понимать, что такая связь нужна не только для разрешения важных общих проблем, но и для более тесного общения между специалистами из различных республик как в области теории, так и в дружном совместном решении общих практических задач. Это очень актуально и для строительства коммунизма. Однако это не означает, что формирование комплексных экспедиций избавляет от всех трудностей. Каждая упомянутая здесь наука имеет свой предмет исследования, свои методы и особенности. Так, при изучении проблем национальной консолидации в Дагестане языковедческие материалы несомненно имеют очень большое значение, но подход к языковым материалам у этнографов

и лингвистов различный: этнографа интересуют общность многочисленных языков этой области и история их изменения; лингвиста же занимают структура, морфология, грамматика каждого из языков. Поэтому сотрудничество во время комплексных экспедиций — это еще не все; необходима повседневная тесная связь в дальнейшей исследовательской работе.

О Прибалтийской конференции я записал в своем дневнике: «Хотя такие конференции организуются и не в очень торжественной обстановке, но они имеют большое значение. В деловом повседневном контакте люди лучше узнают друг друга, усиливают сплоченность представителей различных республик, дружбу народов. На этих заседаниях проводится координация действий, обсуждаются прошлые, действующие и перспективные планы. Недостатки исправляются в атмосфере дружественной критики и самокритики».

Кроме заседаний в самом Институте этнографии, я посещал также отдельные заседания и конференции в других учреждениях по темам, связанным с национальным вопросом. Содержание этих докладов не всегда было для меня одинаково важно, но меня интересовали не только обсуждаемые проблемы, но и сама организация заседаний, методы и формы обсуждения научных проблем. Ведь все стороны научной жизни Советского Союза для меня новы, и мне хотелось познакомиться с ними, поучиться у советских товарищей.

Во-вторых, я обращался с различными проблемными и методическими вопросами ко многим ученым соответственно их специальности. Я старался предварительно, до беседы, подготовить вопросы, а затем договаривался о месте и времени встречи. Этот вид работы имеет большое значение для повышения моих знаний: за истекшее время я беседовал с сотрудниками различных секторов Института этнографии и мог познакомиться с общим характером работы каждого сектора за прошедшие годы, в настоящее время и с планами на ближайшее будущее. Такие беседы помогли мне усвоить многие в прошлом для меня неясные вопросы, получить богатый материал и глубже понять многие серьезные проблемы, например вопрос о роли марксистской этнографии в исследовании различных этапов истории развития человеческого общества. В результате этих бесед мне стало ясно, что роль этнографии при изучении современности не менее важна, чем при исследовании более ранних этапов истории человечества. Это — очень важный вопрос, потому что правильное его разрешение непосредственно связано с подходом к этнографическому исследованию современности, с выработкой правильной методики этого исследования. Здесь нужно прежде всего руководствоваться принципами марксизма-ленинизма, учитывать актуальность и значение указанного вопроса для построения социализма в различных странах.

В этих беседах я тоже не ограничивался встречами с работниками Института этнографии. Пользуюсь случаем выразить сердечную благодарность научному сотруднику Государственного музея этнографии в Ленинграде Е. Н. Студенецкой; несмотря на свою занятость, она нашла возможность выделить время для длительных бесед со мной, во время которых с такой же готовностью и теплотой, как своему ученику или младшему брату, рассказала подробно о проблемах кавказоведения, о музейной этнографической работе, о методике полевых этнографических исследований.

В-третьих, я составил программу чтения соответствующей литературы. Работу эту я проводил главным образом в Государственной публичной библиотеке имени Ленина. Этапы этой программы соответствовали этапам учебного процесса. Здесь я получал дополнительные источники для пополнения и закрепления знаний; например, когда я знакомился с историей русской этнографии, я читал труды русских дореволюционных этнографов; когда я изучал этнографию и учебно-преподавательскую деятельность этнографов советского периода, я читал труды советских ученых.

В-четвертых, я слушал лекции по этнографии СССР на историческом факультете Московского государственного университета. Поскольку времени у меня мало, я не мог прослушать полный курс. Поэтому я слушал лекции только по этнографии определенных стран. Хотя я и не мог, к сожалению, слушать курс систематически, но посещение лекций позволило мне составить общее представление (может быть, и недостаточно глубокое) об учебном процессе. Кроме того, я планирую в дальнейшем более подробно ознакомиться с постановкой работы Кафедры, с тем, как в Советском Союзе готовят молодые этнографические кадры для центральных и местных учреждений, каким путем проводится повышение их квалификации и как добиваются правильного их использования. Эти вопросы также очень важны и актуальны для моей родины.

В-пятых, я использовал возможности работы в предоставленных мне командировках. Я строил план этой работы применительно к конкретным особенностям тех мест, куда я был командирован: Ленинграда (со 2 по 29 марта) и Риги (с 30 марта по 6 апреля). Цели моей поездки совпадали с моей основной задачей — всесторонне ознакомиться с этнографической работой в Советском Союзе. Благоприятные условия командировки позволили мне ознакомиться с постановкой музейного дела и этнографическими музеями в этих городах (как известно, в Москве нет этнографического музея). В Ленинграде я, кроме продолжения ознакомления с научно-исследовательской этнографической работой, знакомился с деятельностью этнографических музеев, начиная с их научного и культурно-просветительного значения до методов комплектования, экспозиции, учета и хранения. Почему я сравнительно подробно ознакомился со всем:

комплексом этих вопросов? Потому что эта работа в настоящее время для нашей страны стала особенно актуальной, ей уделяют особое внимание партия и правительство. Кадры работников в этой области у нас еще немногочисленны, а в Пекине — столице нашей родины — организуется огромный специально этнографический музей. Для меня музейная этнографическая работа — совсем новый участок деятельности, прежде я ею никогда не занимался.

В Ленинграде я посетил Музей антропологии и этнографии при Институте этнографии Академии наук СССР. Государственный музей этнографии народов СССР, Эрмитаж, Музей искусств (Русский музей), Музей истории религии и атеизма. Времени у меня было очень немного. Поэтому я в этих музеях все время учился и далеко не все осмотрел в Ленинграде, хотя знаю, что там есть много мест, которые я должен был посетить. Ведь Ленинград исключительно богат прекрасными музеями и памятниками искусства. Каждый его камень, каждое здание имеют свою историю. Но, к сожалению, я не успел даже Эрмитаж осмотреть полностью, а ознакомился детально только с экспозицией отдела Китая.

Чтобы успеть вернуться к экспедиционной сессии в Москву, я вынужден был в Риге работать очень напряженно, но благодаря теплому приему, помощи в организации моей работы и вниманию со стороны товарищей из этнографического сектора Института истории и материальной культуры Академии наук Латвийской ССР я все же многое успел сделать. Здесь я познакомился с работой сектора этнографии в целом и отдельных ученых, посетил Музей народного быта (экспозицию на открытом воздухе), Исторический музей, Музей истории города Риги, побывал в двух рыбацких поселках под Ригой.

Как уже упомянуто выше, одной из моих задач во время пребывания в СССР было получение навыков в области методики полевой этнографической работы. С 19 июня по 6 августа я участвовал в работе Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Я с большим интересом наблюдал культуру и быт возрожденного тувинского народа и познакомился с методами полевой работы советских этнографов и археологов. Собранные мной полевые и документальные материалы по истории и этнографии тувинцев окажут большую помощь в ознакомлении всего коллектива работников Института национальностей Академии наук КНР с опытом социалистических преобразований и строительства коммунизма у тувинского народа, в прошлом экономически и культурно очень отсталого.

В работе мне много помогли члены экспедиции, а также местные партийные организации и коллектив Научно-исследовательского института языка, культуры и истории Тувинской автономной области. Пользуясь случаем, хочу выразить им свою сердечную благодарность за оказанную мне помощь.

Заканчивая свою заметку, я хотел бы высказать несколько слов об общем впечатлении и своих ощущениях во время пребывания в Советском Союзе. Самое яркое впечатление — это чувство искренней братской дружбы между народами Советского Союза и Китая и тот высокий дух интернационализма, который является неотъемлемым свойством советских товарищей. Живя в Советском Союзе и работая в Институте этнографии, я чувствовал, что ко мне относятся так, как относились бы дома. Если мне в период пребывания в СССР удалось достигнуть каких-либо положительных результатов, то в этом есть большая доля труда советских наставников и товарищей.

Я хотел бы также сказать, что благодаря заботе работников посольства Китайской Народной Республики в Советском Союзе и партийной организации Управления по делам командированных в СССР из Китая наша работа была хорошо организована; кроме того, мы имели возможность систематически быть в курсе событий в нашей стране и глубже понять все происходящее в Советском Союзе. Благодаря этому мы не отстали от жизни всего китайского народа в период Большого скачка и по возвращении на родину можем сразу включиться в общенародное дело строительства социализма.

Опыт, приобретенный мной во время пребывания в Советском Союзе, показал мне, на что следует обратить внимание в моей дальнейшей работе на родине, что следовало бы еще сделать. Круг моей деятельности во время пребывания в Советском Союзе и особенно в Москве был для работника в области этнографии все же недостаточно широк. В Москве много музеев и памятных мест, которые мне следовало бы посетить; в пригородах Москвы есть много колхозных и рабочих поселков, где мне надо бы побывать, но пока у меня еще не было возможности сделать это. Это значит, что я не сумел достаточно четко распределить свое время и не был достаточно внимателен к окружающей меня жизни. Может быть, в этом сыграло роль и недостаточно свободное знание русского языка. Это сказалось и на продуктивности моего участия в заседаниях: если, например, докладчик говорил быстро, я не мог еще полностью понимать содержание его доклада; темпы чтения литературы и других материалов также были вследствие этого недостаточны. Все это говорит мне, что в дальнейшем я должен углублять знание русского языка, и поэтому я хотел бы собрать и увезти с собой на родину соответствующие материалы и литературу, которые помогут мне в этом. Наконец, я глубоко ощущаю, что совершенно необходимо еще более укреплять связи ученых КНР и СССР в области этнографических исследований. Я знаю, что взаимопонимание и связи между нами, наша учеба у советских товарищей установились уже давно. Сейчас обстановка бурного развития строительства коммунизма в СССР и социализма

в КНР требует в дальнейшем сделать наши связи шире, глубже и крепче. Если взять, например, взаимопонимание советских и китайских этнографов, то можно сказать, что советские ученые лучше знают этнографию Китая до Освобождения, чем современную, и, наоборот, китайские этнографы хуже знают этнографию России дореволюционного периода и первых лет советской власти, чем наших дней. Следует отметить, что вообще это вопрос очень важный и актуальный, так как от его решения непосредственно зависит, с одной стороны, правильное понимание советскими этнографами китайской современности, а с другой — это даст возможность китайским этнографам более плодотворно использовать богатый опыт русской и советской этнографии, углубленнее учиться у советских товарищей.

В настоящее время срок моего пребывания в СССР продлен еще на три месяца. На-днях я уезжаю в экспедицию на Кубань, где буду изучать быт и культуру кубанского крестьянства в период строительства коммунизма. Я думаю, что опыт работы в этой экспедиции будет интересен и для этнографов Китая, изучающих быт и культуру народов своей страны в период построения социализма.

Цзинь Тянь-мин
